

Ирэн Весёлая

Мартовский кот

Брысь из моей жизни!

Мартовский КОТ

Брысь из моей жизни!

Ирэн Весёлая Мартовский кот. Брысь из моей жизни!

<https://litres.ru/74469183>

Аннотация

— Таня, это не то, что ты подумала! — муж лихорадочно кутается в простыню, пытаясь закрыть собой молодую девицу на коленях. — Правда? А я подумала, что ты на корпоративе спасаешь котиков, Петя. А ты сам оказался мартовским котом.

Я прожила с ним десять лет. Я верила каждому его слову, пока однажды мой мир не рухнул прямо в элитной сауне. Я была готова дать нам шанс ради сына, но утро 8 марта принесло «подарочек», который не лезет ни в какие ворота. На моем пороге — она. С трехлетней дочкой, которая смотрит на моего мужа его же янтарными глазами.

Говорят, разбитую чашку не склеить. А я и не собираюсь. Я собираюсь вымести осколки, сменить замки и доказать самой себе, что в тридцать восемь жизнь не заканчивается. Даже если бывший умоляет о прощении, а новый заказчик — холодный и циничный миллионер — кажется опаснее любого предателя.

В тексте вас ждут: ✓ Измена мужа (жестко, без прикрас и шанса на прощение) ✓ Сильная героиня, которая умеет работать не только шпателем, но и головой ✓ Тайны прошлого, от которых

волосы встают дыбом ✓ Очень харизматичный новый герой (мужчина, за которым как за каменной стеной) ✓ Развод и новая жизнь — с чистого листа и яркими красками ✓ Хэппи-энд для тех, кто заслужил счастье!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2(Петр)	13
Глава 3	21
Глава 4	28
Глава 5	37
Глава 6(Петр)	46
Глава 7	56
Глава 8(Петр)	63
Глава 9	69
Глава 10	76
Глава 11	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Глава 1

Белая взвесь висела в воздухе плотным, почти осязаемым киселем. Она проникала под защитные очки, вызывая резь в глазах, и забивалась в фильтры респиратора так, что каждый вдох давался с присвистом. Я чувствовала эту пыль везде: она скрипела на зубах, забивалась в поры кожи, превращала мои ресницы в белесые иглы, а волосы — в жесткую, седую паклю. Противный, сухой привкус гипса и извести стал моим вечным спутником, моим персональным парфюмом.

Шлифмашина в руках вибрировала, отдаваясь в плечо тупой, монотонной болью. Ладони под защитными перчатками горели, но я не останавливалась. Еще один проход, еще одно плавное движение — и стена в этом пентхаусе станет идеальной.

Цвет «пыльная роза» с едва заметными, глубокими прожилками искусственного мрамора был моим личным вызовом. Заказчик, суровый мужчина в дорогом костюме, который мельком взглянул на мои выкрасы, выложил за этот проект сумму, равную трем моим обычным зарплатам. Для него это была просто «отделка», для большинства — «грязный ремонт», но для меня — искусство. Я видела то, чего не видели другие: как под грубыми слоями кельмы рождается глубина. Как бездушный бетон под моими руками обретает благородное, почти жемчужное сияние.

Я выключила машину. Тишина, наступившая в огромном пустом пространстве, оглушила. Слышно было только, как в вентиляции свистит мартовский ветер. Я стянула респиратор и жадно глотнула воздух. Он пах свежей грунтовкой, холодом и чем-то неуловимо весенним, что робко пробивалось сквозь панорамные окна тридцатого этажа.

Сегодня седьмое марта. Завтра город захлебнется в море тюльпанов, дешевых открыток и дежурных комплиментов. Завтра женщины будут благоухать духами и принимать ванны с солью. Но для меня праздник всегда начинался накануне. Потому что сегодня у Пети корпоратив.

Я посмотрела на свои руки. Мелкая белая пыль въелась в каждую трещинку, подчеркивая мозоли у основания пальцев, которые не размягчал ни один самый дорогой крем. Кожа была сухой, как пергамент, изрезанной мелкими шрамами от шпателя. Десять лет. Десять лет я «шкуркой» и терпением выстраивала наш быт. Пока мой муж, мой идеальный, мой единственный Петя, спасал жизни тех, кто не умеет просить о помощи.

Петр был хирургом-ветеринаром. Его руки всегда были стерильными, пальцы — длинными, чуткими, а под идеально подстриженными ногтями никогда не бывало этой позорной строительной каемки. Он был моей «чистой комнатой», моим личным храмом, куда я возвращалась после смен, пахнувшая растворителем, потом и тяжелым трудом.

— Татьяна, вы еще долго будете здесь пылить? — В двер-

ном проеме возникла Жанна, дизайнер проекта.

Она выглядела как картинка из модного журнала: безупречное каре, туфли на шпильках, которые стоили больше, чем мой перфоратор, и взгляд, в котором читалось плохо скрытое презрительное сочувствие. Она прикрыла нос кружевным платочком.

— Хозяин будет через полтора часа. Хочет лично принять черновой этап спальни. Вы успеете обеспылить и убрать этот... мусор?

— Успею, Жанна. Я всегда успеваю, — ответила я, вытирая лоб тыльной стороной ладони.

Голос звучал хрипло. Пыль всё же осела на связках.

— Ну-ну. Старайтесь. Завтра же восьмое число, все нормальные женщины уже по салонам разбежались, перья чистить, а вы всё стены гладите, — Жанна усмехнулась, окинув взглядом мой бесформенный комбинезон. — Муж-то хоть подарок купил? Или вы опять выберете себе на праздник новый набор шпателей?

Я промолчала. Жанне, чья жизнь состояла из выбора между оттенками «тиффани» и «шампань», было не понять, что мой лучший подарок — это лицо Пети, когда он входит в квартиру и видит накрытый стол. Это его взгляд, полный нежности, когда он берет мои измученные руки и говорит:

«Танечка, твои руки — золото. Ты — мой самый главный талант». Ради этих слов я готова была шлифовать бетон хоть круглые сутки.

Три года назад, в тот страшный март, когда небо для меня обвалилось вместе с потерей второй беременности, именно Петр вытащил меня из небытия. Пять месяцев ожидания, имя, уже выбранное для дочки... и пустота. Я тогда месяц не могла встать с кровати. Смотрела в потолок и видела там только трещины.

А Петя... Петя не давал мне утонуть. Он приходил после дежурств, бледный от усталости, но неизменно ласковый. Он садился на край кровати, брал мои огрубевшие ладони в свои, целовал каждый сустав и шептал, что я — его жизнь, его опора, и что мы со всем справимся. Он тогда работал на износ, брал ночные смены, говорил, что копит на мою реабилитацию в санатории. И я верила. Каждому его вздоху верила. И именно тогда я решила, что костыми лягу, но мой муж никогда не будет ни в чем нуждаться.

Я быстро закончила уборку, собрала инструменты в тяжелый чемодан. Переоделась в подсобке в обычные джинсы и свитер. Из зеркала на меня смотрела женщина, чьи глаза казались слишком большими на похудевшем лице. Волосы, когда-то густые и блестящие, потускнели под слоем химии. «Ничего», — подумала я, привычно подавляя вздох. — «Дома отмоюсь. Сделаю маску. Стану человеком для него».

По пути к метро я заскочила в супермаркет. Корзинка

быстро наполнялась: сыр с плесенью, который Петя обожал под бокал белого вина, пара баночек дорогих каперсов, свежая семга. Деньги, честно заработанные на объекте, таяли на глазах, но я не испытывала ни капли жалости. Мой муж сегодня идет на корпоратив. Его коллектив в клинике «Верный друг» небольшой, почти семейный. Он — ведущий хирург, лицо заведения. Он должен выглядеть и чувствовать себя на высоте.

Дома меня встретил Митя. Сыну уже семь, он в этом году идет в первый класс и сейчас, сосредоточенно сопя, рисовал открытку за кухонным столом.

— Мам, смотри! Это ты, — он протянул мне листок, на котором фигура в пышном желтом платье (видимо, в представлении Мити я была сказочной принцессой) держала за руку огромного, непропорционально рыжего кота.

— Красиво, малыш. А почему кот такой большой?

— Потому что он папа. Папа сказал, что сегодня он будет самым важным котом на празднике, — серьезно ответил ребенок.

Я улыбнулась, поцеловала сына в макушку и пошла в ванную. Петр уже заканчивал свои сборы. Из-за двери тянуло запахом его любимого парфюма — «Терра» от Эрме, подарок, на который я копила два месяца, отказывая себе в но-

вых кроссовках.

Он вышел — сияющий, выбритый до синевы, в идеально отглаженной сорочке цвета айвори. Эта сорочка так шла к его карим, вечно немного грустным глазам.

— Танюша, ты уже? Опять на объекте дотемна? — Он подошел и приобнял меня за талию.

От его тепла, от этого запаха чистоты и успеха у меня всегда немного кружилась голова.

— Ты себя совсем не бережешь, родная. Опять руки в извести...

— Нужно было закончить, Петь. Заказчик сложный, — я прижалась к его груди, боясь испачкать его сорочку своей несвежей футболкой. — Я там рыбки купила, сейчас быстро на гриль брошу. Поешь перед уходом?

— Ох, солнышко, я бы с радостью, — он виновато улыбнулся и посмотрел на часы. — Но я уже опаздываю. Директор клиники, ты же знаешь Пал Сергеича, он пунктуальность ценит превыше всего. Выпью только кофе. Боюсь, пуговица на брюках не выдержит твоего гостеприимства.

Он рассмеялся — легко, открыто. Я смотрела на него и не могла налюбоваться. Сорок два года, а он в отличной форме. Седина на висках только добавляла ему благородства, делая похожим на актера из качественной мелодрамы. Мой Петя.

Моя единственная любовь.

Я суежилась на кухне, пока он пил свой эспрессо. Мысли о пыльных стенах, о Жанне с её шпильками, о тяжелом чемодане с инструментами — всё это отступило на второй план. Здесь, в нашей квартире, где каждый гвоздь был вбит с мыслью о семье, я чувствовала себя по-настоящему живой.

— Пап, а ты долго будешь? — Митя оторвался от своего художества.

— Не знаю, чемпион. Поздравим наших дам, выпьем по бокалу лимонада за их здоровье — и домой. Я же не мартовский кот, чтобы до утра по крышам бродить, — Петр подмигнул сыну и потянулся за своим пальто.

Пальто сидело на нем безупречно. Я стояла у двери, прижимая к груди кухонное полотенце, и внезапно почувствовала этот жуткий, непреодолимый контраст. Он — мужчина с обложки, пахнувший дорогим парфюмом и свободой. И я — в старых домашних лосинах, с кожей рук, которая даже после щетки оставалась серой от въевшейся пыли.

Петр шагнул ко мне. Он взял мое лицо в свои ладони. Его пальцы были прохладными, сухими и удивительно нежными.

— Не скучайте тут без меня. Я постараюсь вернуться пораньше. Завтра — наш день, Таня. Я приготовлю завтрак, обещаю. Завтра ты у меня будешь отдыхать.

Он наклонился и поцеловал меня. Это был наш ритуал — глубокий, обещающий поцелуй перед разлукой. Я ответила ему с такой силой, будто пыталась передать всю свою благодарность за эти десять лет. Но когда его руки скользнули по моим щекам ниже, я инстинктивно сжала кулаки и спрятала их глубоко в карманы. Мне было невыносимо стыдно за свою наждачную кожу. Мне казалось, что мои мозоли могут оставить царапины на его безупречном мире.

— С наступающим, любимая, — шепнул он.

— Иди уже... кот, — улыбнулась я сквозь ком в горле.

Щелчок замка прозвучал в тишине квартиры как финальный аккорд затянувшейся симфонии. Я замерла в коридоре, прислушиваясь к удаляющимся шагам Петра и приглушенному рокоту лифта. Все, ушел. Мой «белый рыцарь» отправился в свой стерильный мир спасать котиков и принимать заслуженные славословия от коллег.

Глава 2(Петр)

(от лица Петра)

Зеркало в ванной запотело от пара, и я лениво провел по нему ладонью, стираю влажную пелену. Из глубины амальгамы на меня взглянул мужчина, которым я не устал восхищаться. Сорок два года? Глупости. Это не возраст, это статус. Это как выдержанный виски — с годами только глубже, сложнее и дороже.

Я слегка повернул голову, инспектируя линию подбородка. Никаких обвисших щек, никаких двойных подбородков. Моя работа ветеринарным хирургом требовала твердой руки и холодного ума, и я привык переносить эту дисциплину на свою внешность. Седина на висках, которую я специально не закрашивал, лишь добавляла мне того самого «врачебного шарма», от которого у владелиц породистых шпицев и мейн-кунов расширялись зрачки.

Да, Петр Сергеевич, ты сегодня чертовски хорош. Просто эталон.

Я взял с полки флакон «Терры» — подарок Татьяны. Она всегда выбирала что-то качественное, классическое, немного консервативное. Как и она сама. Запах был хорош: цитрус, кремьень, горький апельсин. Идеально, чтобы перебить... это.

Я замер, принюхиваясь к собственной коже на сгибе лок-

тя. Там, под слоем дорогого мыла и парфюма, всё еще притаился едва уловимый, почти призрачный аромат. Запах детской присыпки, кипяченого молока и дешевого стирального порошка. Тот самый запах, который пропитал ту, другую квартиру на окраине, где я был всего два часа назад.

Маленькая Варя... Она так радовалась моему приходу, что извозила мою чистую сорочку своими липкими ладошками в каше. Пришлось срочно застирывать пятно и сушить его феном, пока Альбина ныла, что я уделяю им слишком мало времени. «Поздравил» с наступающим, называется.

— Пап, ты долго? — Митин голос за дверью заставил меня дернуться.

Раздражает. Когда я перед зеркалом, я хочу тишины.

— Выхожу, чемпион! Коты любят чистоту, ты же знаешь, — отозвался я, натягивая сорочку.

Ткань цвета айвори приятно холодила плечи. Я застегивал пуговицы одну за другой, чувствуя себя актером в примерке перед премьерой. Моя жизнь давно превратилась в виртуозный спектакль, где я был и режиссером, и исполнителем главной роли. И, признаться, я заслуживал «Оскара» за то, как ловко я жонглировал этими двумя реальностями. В одной я был надежным мужем-хирургом, в другой — страстным любовником и «папой выходного дня».

Я вышел в коридор. Таня уже была дома. Она стояла на кухне, всё еще в своей рабочей робе, вокруг нее витало облако белой пыли. Господи, опять эта стройка. Она напоминала мне привидение из старого замка. Штукатурка, гипс, известь — вечные спутники ее «высокого искусства». Я посмотрел на ее сутулые плечи, на нелепый пучок волос, заколотый карандашом, и почувствовал привычный укол раздражения, смешанный с жалостью.

Татьяна была моей овсянкой. Полезной, питательной, надежной овсянкой на воде. Она не вызывает изжоги, она всегда под рукой, она — фундамент. Но скажите мне, какой нормальный мужчина захочет есть одну овсянку в течение десяти лет? Без соли, без сахара, без пряностей? Мужчине нужны деликатесы. Мужчине нужен острый соус, аромат запретных специй, хрустящая корочка приключения. Мужчине нужна Альбина.

— Танюша, ты уже? Опять на объекте задержалась? — я обнял ее за талию, стараясь не слишком сильно прижиматься, чтобы не запачкать сорочку.

Ее кожа под моими пальцами была сухой и какой-то... безжизненной. Шершавой, как наждак. Я невольно вспомнил атласную, влажную кожу Альбины, которая пахла сексом и дорогим лосьоном, а не бетонной пылью и тяжелым трудом. Таня прижалась ко мне, и я почувствовал, как она выдыхает, расслабляясь в моих руках.

Бедная. Она верила мне. Безраздельно, глупо, как побитая собака верит хозяину. Эта ее преданность иногда даже душила. Слишком предсказуемо. Никакого азарта, никакой игры. Ты точно знаешь, что она скажет, что она сделает и как она будет смотреть на тебя завтра утром.

— Нужно было закончить, Петь. Зато теперь три дня выходных, — прошептала она мне в грудь.

Я улыбнулся в ее макушку. Три дня выходных. Для нее — время для генеральной уборки, борща и прогулок в парке. Для меня — сложнейшая логистическая операция. Нужно будет вырваться к Альбине под предлогом «срочного вызова на операцию» в клинику. А ведь Альбина тоже ждет подарков и внимания. Март — самый тяжелый месяц для такого «кота», как я.

— Я там рыбки купила, — продолжала она, — сейчас быстро поджарю...

— Ты мой ангел-хранитель, — мягко перебил я ее, высвобождаясь из объятий. — Но я, наверное, только кофе выпью. Боюсь, пуговица на брюках лопнет, если я съем хоть кусочек. Нужно соответствовать коллективу, сама понимаешь. Девчонки из администрации клиники такие придирчивые к внешнему виду врачей...

Я врал легко, почти элегантно. Ложь давно стала моей второй кожей, в которой мне было гораздо уютнее, чем в правде.

На самом деле в багажнике моей машины уже лежал пакет из элитного бутика: шампанское, виноград сорта «дамские пальчики», икра и пара деликатесов, о которых Таня даже не слышала. Альбина не предлагала мне жареную семгу — она предлагала себя в полумраке «Терм», и этот десерт был мне куда важнее любого ужина.

Я прошел в комнату к Мите, потрепал его по волосам. Мальчишка весь в мать — такой же серьезный и бесхитростный.

— Как дела, мелкий?

— Пап, ты как мартовский кот, — сказал сын, не отрываясь от своей открытки.

Я внутренне вздрогнул. Дети иногда бывают пугающе проницательны. Но я тут же взял себя в руки и усмехнулся.

— Папа просто должен выглядеть достойно. Врач — это призвание, сынок. Даже в праздник.

Таня стояла в дверях кухни, вытирая руки полотенцем. Я видел, как она смотрит на меня — с тем самым благоговением, которое я так успешно культивировал в ней все эти годы. Она всегда чувствовала себя «недостаточной» рядом со мной. Мой статус хирурга, мой безупречный вид, мой интеллект — всё это возвышало меня над ее ведрами с краской

и пыльными объектами. И мне это чертовски нравилось. Это был мой рычаг давления, моя гарантия того, что она никогда не посмеет задавать лишних вопросов.

Я надел пальто, еще раз любуясь собой в зеркале.

— Не скучайте тут. Я постараюсь не задерживаться. Завтра — наш день, Таня. Я всё компенсирую.

Я подошел к ней. Она стояла, опустив глаза, и я заметил, как она стыдливо прячет руки в карманы. Моя бедная, замученная лошадка. Она думает, что я — неземное существо, до которого ей никогда не дотянуться. Она верит, что я храню ей верность, как клятву Гиппократу.

Я взял ее лицо в ладони. Кожа на ее щеках была бледной, сероватой от постоянной работы в закрытых помещениях. Десять лет назад она была другой — звонкой, яркой, как свежая краска. Куда всё делось? Стерлось наждачной бумагой? Растворилось в бесконечных ремонтах?

Я поцеловал ее. Долго, со вкусом, закрепляя эффект своего «ухода». Это был мой психологический якорь. После такого поцелуя она будет ждать меня хоть до рассвета, грея ужин и придумывая оправдания моим задержкам. Она сама выстроит вокруг меня стены из оправданий, мне даже не придется напрягаться.

— С наступающим, — шепнул я, чувствуя вкус ее дешевого бальзама для губ.

— Иди уже... кот, — она слабо улыбнулась.

Выйдя из подъезда, я полной грудью вдохнул сырой, промозглый воздух марта. На губах всё еще ощущался привкус Татьяны — пресный, как та самая овсянка на воде. Я сел в машину, бросил взгляд на заднее сиденье, где ждал пакет с деликатесами, и нажал на газ.

Мимо проносились огни большого города. Люди спешили домой с вениками мимоз, мужчины с озабоченными лицами штурмовали цветочные лавки в последний момент. Дилетанты. Настоящий игрок знает: чтобы иметь всё, нужно просто уметь закрывать правильные двери в правильное время.

Я достал телефон и набрал номер.

— Привет, котенок. Да, я выехал. Заказывай виноград в номер, я буду через пятнадцать минут. Да, Таня верит, что я на торжественном собрании... Альбина, не начинай. Ты же знаешь, я — лучший хирург в этом городе. Я умею делать надрезы так, что пациент даже не замечает боли.

Я нажал отбой и прибавил звук на магнитоле. Впереди были «Термы», горячий пар, ледяное шампанское и женщина, которая не пахнет строительной известью.

В зеркало заднего вида я видел, как окна нашей квартиры становятся всё меньше, превращаясь в крошечные, тусклые точки. Там оставалась моя овсянка. Мой надежный, скучный тыл. А здесь, впереди, расстилался мой март. Моя территория. Моя охота.

И я был абсолютно уверен, что завтра, как обычно, я вернусь в свою тихую гавань, надену маску любящего мужа и приму завтрак из рук женщины, которая никогда не узнает правды.

В конце концов, что может пойти не так? Я же великий манипулятор. Я контролирую каждый вздох в этой семье.

Я перестроился в левый ряд, обгоняя неповоротливое такси, и уверенно направил машину к сияющему огнями спак-комплексу. Жизнь была прекрасна. Она была именно такой, какой я ее себе нарисовал.

Правда, я забыл, что иногда стены, которые ты так тщательно строишь из лжи, имеют свойство обрушиваться в самый неподходящий момент. Но об этом я собирался подумать когда-нибудь потом. Не сегодня. Сегодня у «кота» был праздник.

Глава 3

Я медленно вернулась на кухню. В воздухе все еще висел шлейф его парфюма — дорогой, холодный, самоуверенный. На столе сиротливо остывала чашка недопитого эспрессо. Петя всегда оставлял ровно два глотка на доне, словно боялся столкнуться с горькой гущей реальности.

Взгляд упал на разделанную семгу, истекающую нежно-розовым соком на разделочной доске. Сто пятьдесят граммов благородной рыбы, купленной по цене половины моих новых кроссовок. Я планировала устроить нам праздник. Я хотела, чтобы он почувствовал вкус дома, вкус моей заботы. А теперь... теперь эта рыба смотрела на меня своими мертвыми глазами, напоминая о том, что мои старания снова оказались «лишними».

— Мам, а папа скоро придет? — Митя заглянул на кухню, волоча за собой плюшевого зайца с оторванным ухом.

— Не скоро, малыш. У папы важная работа, ты же знаешь. Пойдем, я тебя покормлю.

Я автоматически сгребла со стола остатки Митиного ужина — слипшиеся макароны с сыром. Доедать за ребенком было моей привычкой, такой же неискоренимой, как и привычка экономить на себе. Глотая безвкусные холодные рожки, я смотрела на свои руки. Слой жирного крема, нанесен-

ный десять минут назад, так и не впитался. Ладони казались скользкими, чужими. Я чувствовала себя как механизм, который смазали, чтобы он не скрипел, но продолжал выполнять свою монотонную работу.

Это и был мой брак. Механизм. Где я — фундамент, несущая стена, скрытая под слоями красивой отделки Петра. Я привыкла к этой роли. Я даже любила её. Мне казалось, что в этом и заключается высшая женская мудрость — быть невидимой силой, которая держит мир мужчины на своих плечах.

Тишину квартиры разорвал резкий, агрессивный звонок мобильного. На экране высветилось «ИННА» — и я невольно вздрогнула. Инна была моим личным ураганом, стихией, которую невозможно было запереть в рамках приличий. Мы дружили с первого курса, но за последние годы наши пути разошлись: я ушла в «гнездование» и строительные смеси, а Инна — в два развода и статус «свободной охотницы».

— Танюха, даже не смей говорить «нет»! — вместо приветствия заорала Инна в трубку. Голос у неё был такой, будто она уже выпила бокал шампанского. — Я знаю, что твой святой Петр свалил на корпоратив. Я знаю, что ты сидишь и доедаешь макароны. И я этого не допущу!

— Инн, я устала, — слабо попыталась я отбиться. — У меня завтра объект, там финальный слой...

— К черту финальный слой! Ты сама скоро слоем пыли покроешься! Слушай сюда: у меня на руках два пропуск в «Термы». Да-да, те самые, элитные, куда вход только

по клубным картам и за стоимость твоей почки. Мой новый «бывший» подсуетился, хотел меня задобрить. Но я иду с тобой!

— Инна, это дорого, — я машинально начала считать деньги в уме. — И Митя...

— Тетя Валя из сороковой квартиры за коробку конфет и твое «спасибо» посидит с Митькой два часа. А деньги — это мой подарок тебе на Восьмое марта. Тань, посмотри в зеркало! Ты же маляр не только по профессии, ты саму себя закрасила серой краской! Встала и пошла искать купальник! Я буду через двадцать минут на такси.

Она бросила трубку прежде, чем я успела возразить. В этом была вся Инна — она не давала выбора, она просто выламывала двери в чужую жизнь, когда считала, что там не хватает воздуха.

Я посмотрела на Митю. Сын, услышав голос Инны, оживился.

— Мам, иди! Тетя Инна веселая. Я мультики посмотрю, честно-честно.

Я перевела взгляд на свои руки. Крем наконец впитался, оставив кожу странно натянутой. «Термы». Я слышала о них на объекте от Жанны. Она расписывала их как рай на земле: бассейны под открытым небом, арома-сауны, ледяное просекко прямо в джакузи. Это был мир, к которому я прикасалась только через кончики своих шпателей, когда выводила

идеальные стены для людей, живущих ТАМ.

— А почему бы и нет? — прошептала я самой себе.

В груди вдруг кольнуло странное, почти забытое чувство азарта. Петя сейчас пьет вино, Петя сейчас блистает. А я? Я имею право хоть раз в год смыть с себя эту строительную известь не в старой акриловой ванне, а в элитной купели.

Я пошла в спальню, к шкафу. Где-то в недрах, между стопками идеально выглаженного постельного белья и Митины-ми вещами на вырост, лежал мой купальник. Я достала его — глубокого синего цвета, закрытый, купленный еще в ту жизнь, когда мы планировали второго ребенка. Я не надевала его три года. После выкидыша я словно наложила вето на свое тело. Оно стало для меня инструментом для работы, но не объектом для радости.

Купальник выглядел старомодно на фоне тех бикини, которые я видела в рекламе «Терм», но он все еще был цел. Но я все равно решилась его примерить. Я быстро втиснулась в него перед зеркалом. Зеркало беспристрастно отразило стройную, но какую-то зажатую женщину. Плечи опущены, на бедрах едва заметные следы усталости.

— Ничего, — шепнула я. — Под парео не видно.

Парео было роскошным. Шелковое, с переливами изумрудного и золотого — подарок Инны, который я хранила как музейный экспонат. Я набросила его на плечи, и оно мгновенно преобразило мой синий купальник. Я вдруг по-

чувствовала себя... женщиной. Не маляром, не мамой Мити. Просто Татьяной....

Звонок в дверь. Тетя Валя, наша соседка, уже стояла на пороге с вязанием в руках.

— Иди-иди, Танечка. Отдохни. А мы с Митей тут разберемся. Петру твоему не скажу, сюрприз будет.

Слово «сюрприз» отозвалось во мне легким уколом вины. Петя думает, что я дома. Петя уверен в моей предсказуемости. Для него я — константа. Но Инна уже сигналила снизу, и времени на рефлексию не осталось.

Я натянула пальто, сунула в сумку шлепанцы и парэо и выбежала из квартиры. На лестничной клетке пахло жареной картошкой и старым лифтом — привычные запахи моей обыденности. Но когда я выскочила на улицу, в лицо ударил холодный мартовский ветер. Воздух был сырым, пропитанным запахом талого снега и бензина. Город гудел. Мужчины с озабоченными лицами тащили домой цветы, завернутые в шуршащую бумагу, витрины магазинов сияли праздничными огнями.

Желтое такси уже ждало у подъезда. Окно опустилось, и я увидела Инну: яркая помада, глаза блестят, из динамиков машины орет какой-то дерзкий хит.

— Ну наконец-то! — крикнула она, распахивая дверь. — Запрыгивай, Золушка. Время превращать тыкву в карету!

Я села на заднее сиденье. В салоне пахло дорогими сига-

ретами и парфюмом Инны — тяжелым, мускусным, заявляющим о себе за версту.

— Тань, ты только не дрейфь, — Инна впилась в меня взглядом своих подведенных глаз. — «Термы» — это не просто баня. Это место, где забываешь, кто ты по паспорту. Там сегодня будет вся «элита». Посмотрим на них в одних полотенцах, без их понтов и тачек.

— Инн, я там буду как белая ворона, — я нервно теребила край сумки. — У меня даже купальник столетней давности.

— Слушай меня, — Инна перехватила мою руку. Её ладонь была горячей и сухой. — Ты — красавица. У тебя лицо, как у греческой статуи, только пылью присыпанное. Мы сейчас эту пыль смоем, шампанского жаждем, и ты сама себя не узнаешь. Поняла?

Я кивнула, хотя внутри все сжималось от предчувствия чего-то неправильного. Машина плавно тронулась, рассекая мартовские лужи. Я смотрела на свои руки в свете пролетающих мимо фонарей. Крем сделал их гладкими, почти неузнаваемыми.

«Петя бы удивился», — подумала я. — «Он всегда говорит, что я слишком домашняя. Вот вернусь — и расскажу ему, как я шиканула».

Я представляла, как он будет смеяться, как приобнимет меня и скажет: «Молодец, Танюша, заслужила». Я ехала навстречу своей катастрофе с легким сердцем, свято веря, что этот вечер — просто короткий отпуск из моего счастливого

брака.

Такси свернуло в тихий, пафосный переулок, где за высоким кованым забором сиял огнями фасад «Терм». У входа стояли черные внедорожники, швейцары в ливреях услужливо распахивали двери.

— Приехали, — выдохнула Инна, поправляя декольте. — Ну что, дорогая, добро пожаловать в другую жизнь. Хотя бы на пару часов.

Я вышла из машины, чувствуя, как под ногами хрустит тонкая ледяная корочка. Сердце колотилось где-то в горле. В этот момент я меньше всего на свете ожидала, что «другая жизнь» встретит меня не паром сауны, а ледяным душем предательства, от которого я уже никогда не смогу согреться.

Глава 4

Тяжелые стеклянные двери «Терм» разъехались в стороны с тишим, сытым шелестом, отсекая нас от промозглого мартовского вечера. Стоило мне переступить порог, как морозный воздух с запахом выхлопных газов сменился обволакивающей теплотой. Здесь пахло так, как пахнут деньги — тонкой смесью сандала, озона от дорогих ионизаторов и свежих орхидей, расставленных в огромных напольных вазах.

Я остановилась в холле, невольно задирая голову. Профессиональная деформация сработала мгновенно: мой взгляд скользнул по стенам, оценивая качество финишного покрытия. Натуральный травертин? Нет, мастерская имитация под дикий камень, уложенная без единого видимого шва. Идеальная работа. На секунду я даже забыла о своей нелепой сумке с выцветшим купальником, прикидывая, какой состав использовал мастер, чтобы добиться такого бархатистого матового эффекта.

— Тань, челюсть подбери, — Инна толкнула меня локтем в бок и уверенно зашагала к ресепшену. Её каблуки звонко цокали по полированному керамограниту. — Мы сюда отдыхать пришли, а не смету составлять.

Девушка за стойкой, похожая на фарфоровую статуэтку с безупречной улыбкой, приняла наши приглашительные. Её взгляд на долю секунды задержался на моем простом паль-

то, но вышколенность взяла верх — она выдала нам два электронных браслета на силиконовых ремешках и пожелала приятного вечера.

Раздевалка комплекса напоминала будуар императрицы. Индивидуальные шкафчики из темного дерева, пуфы, обитые изумрудным бархатом, зеркала в пол с мягкой круговой подсветкой. Инна скинула одежду за считанные секунды, оставшись в дерзком алом бикини, которое смотрелось на её фигуре как вызов всему мужскому населению комплекса.

Я же раздевалась медленно, словно боялась, что кто-то уличит меня в самозванстве. Стянула свитер, джинсы. Надела свой старый, закрытый синий купальник. Ткань на животе немного потеряла эластичность, а фасон был таким целомудренным, что впору было идти на соревнования по синхронному плаванию, а не в элитный спа-клуб.

— Ну и чего мы жмемся? — Инна подошла ко мне, критически оглядывая со всех сторон. — Нормально. Классика. А теперь давай свой козырь.

Я достала из сумки то самое парео. Невесомый шелк скользнул сквозь пальцы, как вода. Инна ловко перехватила ткань, обернула вокруг моих бедер и завязала сложным узлом на боку. Изумрудный и золотой цвета заиграли под лампами, отвлекая внимание от простоты купальника.

Я взглянула в зеркало и на мгновение задержала дыхание. Оттуда на меня смотрела женщина, которую я давно забыла. Женщина с высокой грудью, длинной линией шеи и нога-

ми, которые скрывал струящийся шелк. Никакой серой пыли. Никаких мешков под глазами — теплое освещение раздевалки стерло следы усталости.

— Вот это я понимаю, — удовлетворенно кивнула Инна. — Богиня штукатурки вышла из пены морской. Идем, нас ждет хаммам.

Мы прошли через стеклянные турникеты в основную зону «Терм». Роскошь здесь не кричала, она шептала. Приглушенный свет, тихая лаунж-музыка, звук падающей воды. В воздухе висел плотный, влажный пар, пропитанный эфирными маслами эвкалипта и мяты.

Следующие полтора часа слились для меня в единый поток блаженства. Мы сидели в соляной пещере, где стены светились мягким розовым светом, а под ногами хрустела крупная гималайская соль. Мы плавали в огромном внутреннем бассейне с гидромассажем, где мощные струи воды выбивали из моих плеч напряжение последних недель. С каждым погружением, с каждым вдохом горячего, ароматного пара я чувствовала, как с меня слетает панцирь.

Бетонная пыль, въевшаяся, казалось, в самую душу, растворялась без остатка. Ушла ноющая боль в пояснице от многочасового стояния на стремянке. Ушло чувство вины за то, что я посмела потратить вечер на себя.

Лежа на теплом мраморном камне в хаммаме, я прикрыла глаза. В голове всплыл образ Петра. Мой муж сейчас, наверное, сидит в душном конференц-зале клиники. Слушает

нудную речь директора, чокается пластиковым стаканчиком с шампанским и ест подсохшие бутерброды с икрой. Бедный мой Петя. Как бы он обрадовался, увидев меня сейчас. Он всегда говорил, что женщина должна уметь расслабляться, быть мягкой. Я мысленно пообещала себе, что завтра утром приготовлю ему самый лучший завтрак. Испеку его любимые круассаны. Он будет гордиться мной. А в день рождение, которое у него через неделю, я испеку ему самый вкусный торт и куплю ему подарок, который я уже присмотрела заранее...

— Тань, ты там не уснула? — Инна шлепнула меня по мокрому плечу. — Хватит вариться в этом котле. Идем на открытую террасу. Там самый шик — термальный бассейн под открытым небом.

Я нехотя поднялась. Тело стало легким, почти невесомым. Мокрая ткань купальника плотно облегла кожу, парео я оставила на шезлонге во внутренней зоне.

Мы подошли к тяжелым стеклянным дверям, ведущим на улицу. Стоило им открыться, как в лицо ударил контрастный, колючий мартовский мороз. Разница температур была колоссальной. Над огромным открытым бассейном, вмонтированным прямо в деревянную палубу террасы, клубился густой белый пар. Он поднимался вверх, смешиваясь с ночным небом, на котором не было видно ни одной звезды из-за городского смога.

По периметру бассейна горели подводные светильники,

окрашивая воду в бирюзовый цвет. Вокруг стояли плетеные кресла-коконы и столики с подогревом. Людей было немного — парочки, наслаждающиеся интимной атмосферой, и небольшие компании, лениво потягивающие коктейли прямо в воде.

— Я сейчас умру от холода! — взвизгнула Инна и, не раздумывая, с разбегу нырнула в горячую воду.

Я спустилась по металлическим ступенькам более осторожно. Вода обняла меня, как парное молоко. Контраст обжигающего холода на лице и расслабляющего тепла, окутавшего тело, был невероятным. Я подплыла к бортику, положила на него руки и посмотрела на город, раскинувшийся внизу. С высоты террасы огни машин казались медленными светлячками.

— Слушай, я хочу коктейль, — Инна вынырнула рядом, отбрасывая мокрые волосы с лица. — Тут бар прямо у воды. Поплыли?

— Плыви, я тут постою. Мне так хорошо, Инн. Спасибо тебе, — я искренне улыбнулась подруге.

— То-то же! Ладно, возьму тебе «Апероль», стой здесь и медитируй, — она грациозно поплыла в сторону неоновой вывески бара, скрываясь за густой завесой пара.

Я осталась одна. Откинула голову назад, подставляя лицо морозному ветру, и прикрыла глаза. Внутри разливался абсолютный, кристально чистый покой. Я чувствовала себя красивой, желанной, живой. Мой брак казался мне надеж-

ной крепостью, моя работа — любимым делом, а этот вечер — маленькой наградой за все труды.

Пар над водой перекачивался тяжелыми волнами. Ветер слегка изменил направление, разрывая густую белую пелену у противоположного бортика. Я лениво открыла глаза, просто скользя взглядом по террасе.

Там, в зоне VIP-шезлонгов, отделенных от основного бассейна легкими бамбуковыми ширмами, кто-то сидел. Свет от подводных ламп выхватывал из темноты силуэты.

Мой взгляд зацепился за мужскую фигуру. Мужчина сидел к бассейну спиной, откинувшись на спинку ротангового кресла. На нем было лишь белое махровое полотенце, обмотанное вокруг талии.

Сначала это было просто узнавание формы. Линия плеч — широкая, уверенная. Чуть сутулая посадка головы, когда человек привык подолгу склоняться над операционным столом. Темные волосы с характерной проседью на висках, влажные после купания. Мозг еще не успел обработать информацию, но тело отреагировало первым: сердце пропустило удар, а в желудке свернулся холодный, тяжелый ком, не имеющий ничего общего с мартовским ветром.

Я медленно, словно во сне, оттолкнулась от бортика и сделала несколько шагов в воде вдоль края бассейна, сокращая расстояние. Пар то скрывал его, то открывал снова.

«Это не он. Этого не может быть. Петя сейчас на корпоративе в клинике. Это просто похожий мужчина».

Я твердила себе это как мантру, пока не подошла достаточно близко, чтобы детали стали безжалостно четкими. Я спряталась в тени массивной колонны, декорированной под скалу, и замерла, вцепившись побелевшими пальцами в скользкий бортик бассейна.

Это был Петр. Мой муж. Мой стерильный, правильный, уставший хирург.

Но это был чужой человек. Тот Петя, которого я знала, был мягким, немного рассеянным, нуждающимся в моей овсянке и чистых рубашках. Мужчина, сидевший в кресле всего в пятнадцати метрах от меня, был хищником. Хозяином жизни. Он был расслаблен, вальяжен и излучал такую самоуверенность, от которой меня начало тошнить.

Но самое страшное было не это.

На его коленях, обхватив его за шею тонкими руками, сидела девушка. Молодая. Слишком молодая, с точеной, хрупкой фигурой в крошечном черном бикини, которое больше открывало, чем скрывало. Её мокрые русые волосы разметались по плечам моего мужа. Она звонко, заливисто смеялась, запрокидывая голову назад.

А Петя... Петр Сергеевич, который два часа назад целовал меня в прихожей и обещал приготовить завтрак, сейчас одной рукой по-хозяйски, крепко сжимал её бедро. На столике рядом с ними стояло ведерко со льдом и пузатая бутылка дорогого шампанского.

Мой муж поднял руку. В его длинных, чутких пальцах хи-

рурга, тех самых пальцах, которые я считала своим личным храмом, была зажата крупная виноградина.

Девушка наклонилась вперед. Петя что-то сказал ей — я не слышала слов за шумом бурлящей воды и чужими голосами, но видела его улыбку. Ту самую, снисходительную, бархатную улыбку, которую я так любила. Девушка приоткрыла губы, и он медленно, с показной чувственностью, положил виноградину ей в рот. Она откусила половину, а затем, смеясь, прижалась губами к его губам, передавая остаток ему.

Как в самом пошлом, дешевом кино. Как в бульварном романе, над которыми мы вместе когда-то смеялись.

Мои легкие перестали работать. Я стояла по грудь в горячей, обжигающей воде, но меня бил крупный озноб. Словно вся та ледяная крошка, лежащая на деревянном настиле вокруг бассейна, разом всосалась в мои вены.

Я не могла отвести взгляд. Я смотрела, как его рука скользит по её спине, опускается ниже. Как уверенно он прижимает её к себе, словно она принадлежит ему целиком и полностью. Словно она — его законная добыча.

Весь мой десятилетний брак, все мои жертвы, мозоли, недосыпания и сэкономленные на себе рубли только что сгорели в пламени этого пошлого, виноградного поцелуя. Моя идеальная стена, которую я выстраивала с такой любовью, рухнула, подняв облако ядовитой пыли, и под ней не оказалось ничего. Только грязь и гнилые доски.

— Тань! Ты куда пропала? — голос Инны раздался где-то

позади, пробиваясь сквозь вату, заполнившую мои уши.

Но я не обернулась. Я продолжала смотреть на спину своего мужа, чувствуя, как внутри меня рождается нечто новое. Не истерика. Не слезы. А тяжелый, ледяной бетон, который заливал мое сердце, навсегда хороня под собой наивную, верную жену маляра Татьяну.

Она умерла прямо здесь, в бирюзовой воде элитного бассейна. А на её место пришла женщина, которой больше нечего было терять.

Глава 5

— Тань! Ты куда пропала? Эй!

Голос Инны доносился словно сквозь толщу мутного стекла. Я слышала его, но слова рассыпались на бессмысленные звуки, не достигая сознания.

Я отпустила скользкий бортик бассейна и медленно, преодолевая внезапно навалившуюся тяжесть собственного тела, пошла к металлическим ступеням. Вода, которая еще минуту назад ласково обнимала меня теплом парного молока, теперь казалась вязким, тягучим болотом. Она цеплялась за мой старый синий купальник, тянула вниз, словно пытаясь удержать на дне, спрятать от того, что происходило на террасе.

Но я больше не хотела прятаться.

Я ухватила за обледеневшие поручни и вытянула себя из бассейна. Стоило мне оказаться на открытом воздухе, как мартовский морозный ветер с размаху ударил по мокрой коже. Температурный контраст был безжалостным — от плюс тридцати восьми в воде до едва заметного минуса на улице. Любой нормальный человек съежился бы, обхватил себя руками, побежал бы в тепло.

Но я не чувствовала холода. Вообще.

Внутри меня, где-то в районе солнечного сплетения, стремительно запускался химический процесс. Я слишком хоро-

шо знала, как ведет себя строительная смесь, когда в нее добавляют правильный катализатор. Сначала она нагревается, выжигая всё вокруг, а затем намертво схватывается, превращаясь в монолит. Именно это сейчас происходило со мной. Моя боль, моя десятилетняя преданность, моя бесконечная, глупая вера в «идеального мужа» — всё это заливалось тяжелым, ледяным бетоном. Он заполнял легкие, парализовал дрожь в коленях, вымораживал слезные протоки.

Мое роскошное парео осталось в раздевалке. Я стояла на пронизывающем ветру в выцветшем закрытом купальнике, с прилипшими к лицу мокрыми волосами, без макияжа, без брони. И мне было абсолютно, кристально плевать на то, как я выгляжу.

Я сделала первый шаг по деревянному настилу. Мокрые шлепанцы издали тихий, чавкающий звук.

Двенадцать шагов до VIP-зоны, огороженной легкими бамбуковыми ширмами. Двенадцать шагов до эшафота, на котором сейчас радостно и беспечно плясала моя семейная жизнь.

Пар клубился над террасой, но ветер услужливо разгонял его, позволяя мне рассмотреть каждую деталь чужого праздника. Вот на столике из искусственного ротанга стоит серебряное ведерко. На его запотевших боках играют блики подводных светильников, а из колотого льда торчит золотистое горлышко «Вдовы Клико». Рядом — хрустальная ваза с отборным зеленым виноградом, каждый плод размером с пе-

репелиное яйцо.

Вот ножка девушки, болтающаяся в воздухе. Идеально гладкая кожа, безупречный красный педикюр. Тонкие, хищные ремешки черного бикини, врезающиеся в упругие бедра.

И вот он. Мой законный муж. Мой хирург с безупречной репутацией. Мой уставший труженик, который всего пару часов назад нежно целовал меня в макушку и жаловался на сухие бутерброды корпоратива.

Я шла медленно, не отрывая взгляда от его спины. Спины, которую я столько ночей укрывала одеялом. Спины, за которой я чувствовала себя как за каменной стеной.

А сейчас эта стена оказалась трухлявой картонной декорацией.

Петр сидел в кресле, откинувшись на мягкие подушки. Девушка на его коленях запрокинула голову, обнажив длинную шею, и заливисто смеялась. Мой муж смотрел на нее не тем теплым, снисходительным взглядом, который предназначался мне. В его глазах горел голодный, собственнический азарт. Он был хозяином положения. Альфой. Хищником, который наслаждается свежим мясом.

Я подошла вплотную к столику. Моя тень, резкая из-за бокового освещения, упала прямо на их сплетенные тела.

Девушка первая почувствовала присутствие чужого. Она прервала смех на высокой ноте и недовольно скосила глаза, ожидая, видимо, увидеть назойливого официанта.

А затем Петр медленно повернул голову.

В дешевых романах в такие моменты пишут про «мир, расколовшийся пополам». Мой мир не раскололся. Он просто обнажил свою истинную, уродливую суть.

Я смотрела в карие глаза своего мужа и видела, как в них за долю секунды рушится целая вселенная. Как самодовольный лоск, вальяжность и превосходство стираются, обнажая липкий, животный ужас. Зрачки Петра расширились так, что почти затопили радужку. Его челюсть слегка отвисла.

Его знаменитые, чуткие хирургические пальцы, занесшие над губами любовницы виноградину, дрогнули и разжались. Крупная зеленая ягода с тихим стуком упала на деревянный пол и покатилась прямо к моим мокрым ногам.

— Петь, ну ты чего? — капризно протянула девушка, поворачиваясь ко мне. — Женщина, вы заблудились? Общий бассейн вон там.

Она окинула мой простенький купальник брезгливым взглядом. Юное, наглое лицо. Глаза, густо подведенные даже для бассейна, и пухлые, влажные губы. Альбина. Та самая новенькая из регистратуры его клиники, о которой он пару раз вскользь упоминал как о «глупенькой, но исполнительной девочке».

Но я не смотрела на нее. Она была лишь симптомом болезни, а передо мной сидел сам очаг инфекции.

Я не стала кричать. Не стала бить его по лицу, царапать щеки или хватать эту девицу за волосы. В моем арсенале не

было истерик. Зачем кричать на грязь, в которую ты случайно наступил? Ее нужно просто смыть.

Я молча протянула руку над столиком. Ту самую правую руку, на которой алела свежая, воспаленная от горячей воды царапина от шпателя. Руку с вьевшейся в поры строительной известью, с загрубевшими мозолями, которых я еще сегодня вечером так стыдилась перед ним.

Я спокойно, методично взяла со столика его телефон. Тот самый дорогой смартфон, который он никогда не выпускал из рук и который всегда лежал экраном вниз. Инструмент его лжи. Его связь с внешним миром.

Мои пальцы сомкнулись на холодном металле корпуса. Только тогда паралич, сковавший Петра, спал.

И тут произошло то, от чего мне стало физически тошно. Лоск слетел с «мартовского кота» мгновенно, обнажив его жалкое, трусливое нутро.

Петр дернулся, как от удара током. Он резко, почти грубо спихнул Альбину со своих колен. Движение было таким поспешным и неловким, что девушка взвизгнула, ударилась бедром о край плетеного столика и чудом не смахнула на пол ведерко с шампанским.

— Эй! Ты нормальный вообще?! — взывала она, потирая ушибленное место.

Но Петр даже не посмотрел в ее сторону. Он судорожно натянул на живот сползающее махровое полотенце, пытаясь прикрыться, словно я застала его не на измене, а за кражей

мелочи из чужого кармана. Его лицо пошло красными пятнами, губы задрожали. Куда делся тот породистый аристократ с сединой на висках? Передо мной сидел загнанный в угол, стареющий клоун.

— Таня... — его голос дал петуха, сломался на высокой ноте. — Таня, послушай. Это... это не то.

Я стояла молча, сжимая в руке его телефон, и смотрела на него сверху вниз. Ледяной ветер трепал мои мокрые волосы, но мне было жарко от того бетонного монолита, который окончательно застыл в моей груди.

— Ты всё не так поняла, Танюша, — Петр сделал жалкую попытку улыбнуться, но губы не слушались его, кривясь в уродливой гримасе. — Это... это Альбина. Она из регистра-туры. Ей... ей стало плохо. В парной. Да! Давление упало, понимаешь? Я просто вывел ее на свежий воздух. Оказывал первую помощь. Как врач.

Я слушала этот словесный понос, и меня накрывало волной абсолютной, стерильной брезгливости.

Оказывал помощь? Сажал на колени и кормил с рук виноградом, чтобы поднять уровень глюкозы? Гладил по голому бедру, чтобы восстановить кровообращение? Господи, за кого он меня держит? Неужели за десять лет брака он решил, что я не просто «домашняя», но еще и клиническая идиотка?

— Петь, ты больной? Какая помощь?! — возмутилась Альбина, наконец-то сообразив, кто перед ней стоит. Ее кра-

сивые глаза сузились. — Это что, твоя жена? Та самая, которая думает, что ты...

Она не успела договорить.

По деревянному настилу раздался быстрый, тяжелый стук каблуков, который не смог заглушить даже шум бурлящей воды в бассейне.

Инна появилась из тумана, как богиня возмездия. В обеих руках она несла пузатые бокалы с ярко-оранжевым «Аперо-лем». Она затормозила в метре от нашего столика. Ее взгляд метнулся от моего каменного лица к скрюченному в кресле Петру, затем к полуголой Альбине, и, наконец, остановился на зеленой виноградине у моих ног.

Инне не нужны были объяснения. У нее был черный пояс по распознаванию мужской лжи.

Ее подведенные глаза вспыхнули дьявольским огнем. Пальцы разжались.

Два бокала одновременно рухнули на деревянный настил. Звон бьющегося стекла раздался над террасой выстрелом. Ярко-оранжевая жидкость, смешанная с осколками и кубиками льда, брызнула во все стороны, пачкая идеальные ноги Альбины и белое полотенце Петра.

— Ах ты ж кусок дерьма... — выдохнула Инна, подаваясь вперед. Ее пальцы скрючились, как когти, готовые вцепиться в аккуратную стрижку моего мужа или в лицо его любовницы. — Ты кому, тварь, лапшу на уши вешаешь?! Первую помощь он оказывает?! Я тебе сейчас такую реани-

мацию устрою, скорая не соберет!

Люди за соседними столиками начали оборачиваться. Музыка казалась слишком тихой на фоне надвигающегося скандала. Петр вжался в спинку кресла, выставив вперед руки, словно защищаясь от физического удара. Альбина взвизгнула и отскочила за столик.

А я... я была спокойна.

Я медленно подняла левую руку и положила ее на напряженное плечо Инны. Мой жест был настолько властным и ледяным, что подруга осеклась на полуслове.

— Не надо, Инна, — мой голос прозвучал ровно, без единой дрожи. Он был тихим, но в нем было столько металла, что Петр вздрогнул. — Не марай об них руки. Здесь слишком грязно. Мы испачкаемся.

Я перевела взгляд на мужа. В последний раз. Я не пыталась запомнить его лицо, я просто ставила ментальную печать: «Списано в утиль. Демонтаж завершен».

— Танюша... — прохрипел он, пытаясь встать, но путаясь ногами в полотенце. — Умоляю, дай мне всё объяснить! Ради Мити!

Упоминание сына резануло по ушам, но бетон внутри меня выдержал даже этот удар. Я опустила телефон Петра в глубокий карман своего пальто, которое Инна чудом прихватила с собой из раздевалки и сейчас набросила мне на плечи.

— Брысь из моей жизни, — тихо, но чеканно произнесла я.

Я развернулась на каблуках и пошла прочь. Моя спина была идеально прямой. Я не бежала, не ускоряла шаг, не прятала лицо в ладони. Я просто уходила с места крушения, оставляя за спиной осколки, оранжевые лужи и человека, которого больше не существовало в моей реальности.

— Таня! Стой! Таня, послушай меня! — кричал мне вслед Петр.

Его голос срывался, звучал жалко и тонко. Я слышала, как он споткнулся, как ехидно фыркнула Альбина, бросив ему что-то злое. Слышала тяжелое дыхание Инны, идущей слева от меня, как верный телохранитель.

Но я не обернулась. Морозный ветер высушил слезы, которых так и не случилось. Я шла к выходу, и с каждым шагом тяжесть прожитых десяти лет спадала с моих плеч. Старая квартира с недоделанным ремонтом, запах его парфюма в прихожей, приготовленная семга — всё это осталось в прошлой жизни.

Впереди была пустота, но эта пустота больше не пугала меня. Потому что теперь я точно знала: фундамент, построенный на лжи, рухнул. И строить новый я буду исключительно по своим правилам.

Глава 6(Петр)

(от лица Петра)

Голос Татьяны — ровный, лишенный привычных теплых обертонов — всё еще стоял в ушах, когда я наконец осознал, что произошло. Моя жена, моя тихая, предсказуемая Таня только что развернулась и ушла, оставив меня посреди этой чертовой террасы с кучей зрителей и разбитыми бокалами.

Оцепенение спало так же резко, как и накатило. Инстинкт самосохранения взвыл сиреной.

— Таня! Стой! — крикнул я, вскакивая с кресла.

Махровое полотенце, небрежно обмотанное вокруг талии, тут же предательски поползло вниз. Я судорожно перехватил его левой рукой у бедра, а правой оттолкнул плетеный столик, едва не опрокинув ведро с шампанским.

Я бросился за ней. Босиком. По мокрому, скользкому деревянному настилу.

Каждый шаг отдавался унижением. Я, ведущий хирург, человек, чьего внимания добивались самые влиятельные люди этого города, бежал трусцой, придерживая мокрую тряпку на чреслах. Холодный ветер бил в грудь, пар от бассейна лез в глаза. Я пронесся мимо двух тучных мужчин, которые с интересом проводили меня взглядами, и ворвался в стеклянные двери, ведущие во внутренние помещения комплекса.

В холле было светло, тепло и убийственно тихо. Девушка на ресепшн, та самая фарфоровая кукла, которая час назад улыбалась мне как VIP-клиенту, теперь смотрела на меня широко распахнутыми глазами. Охранник в строгом костюме напрягся, сделав шаг вперед, словно ожидая от меня буйства.

Но мне было не до них. Сквозь панорамные окна я увидел, как желтое такси с шашечками медленно отъезжает от тротуара. На заднем сиденье мелькнул силуэт моей жены и яркое пятно Инны.

Я подскочил к стеклу и с силой ударил по нему открытой ладонью.

— Таня!

Стекло глухо отозвалось, обдав пальцы холодом. Машина мигнула поворотником и растворилась в сыром мартовском мраке, увозя с собой мой комфорт, мой уют и мой идеально выстроенный фасад.

Я прижался лбом к стеклу, тяжело дыша. Грудь вздымалась, сердце колотилось где-то в горле, отбивая бешеный ритм тахикардии. Нужно позвонить. Нужно срочно ей позвонить, сказать, что это нелепая случайность, что она всё не так поняла! Я хлопнул себя по бедру, ожидая почувствовать привычный прямоугольник корпуса, и в этот момент реальность нанесла мне второй, самый сокрушительный удар.

Телефон.

Она забрала мой телефон.

Я стоял посреди элитного холла в одном полотенце, и меня прошиб ледяной пот, не имеющий ничего общего с температурой воздуха. В этом куске пластика и стекла была вся моя жизнь. Приложение банка, через которое я оплачивал кредиты, оформленные на нужды Альбины. Мессенджеры. Переписка, где я называл Таню «овсянкой», а Альбину — «кошечкой». И самое страшное — галерея. Там, в скрытой папке, были фотографии Вари.

Господи. Если она разблокирует экран...

Я развернулся и пошел обратно на террасу. Охранник проводил меня презрительным взглядом, но я даже не попытался сохранить лицо. Эффект «хозяина прайда» испарился, оставив после себя лишь липкий, животный страх.

На террасе ветер казался еще более пронизывающим. Возле нашего VIP-столика уже суетился уборщик в униформе, ловко сметая в совок осколки от бокалов Инны. Лужа ярко-оранжевого «Апероля» растекалась по дереву, напоминая кровь после неудачной операции.

Альбина стояла в стороне. Она яростно терла свои идеальные бедра скомканными бумажными салфетками, пытаясь избавиться от липкого коктейля. Ее тушь от пара и перенесенного стресса слегка потекла, оставив под глазами неопрятные серые тени.

Я посмотрел на нее, и вместо привычного желания, которое она всегда во мне вызывала, ощутил лишь острое, едкое

раздражение. Какого черта ей не сиделось дома? Зачем она выпросила этот поход в «Термы» именно сегодня, накануне праздника? Если бы я просто завез ей деньги и поехал на свой законный корпоратив в клинику, ничего бы этого не было. Она вдруг показалась мне не роскошным десертом, а глупой, капризной проблемой. Источником глобальной катастрофы.

Я подошел к шезлонгу, выдернул сухое полотенце и бросил его Альбине.

— Вытирайся и пошли отсюда. Быстро.

Она замерла с салфеткой в руке и уставилась на меня. Ее красивые губы искривились.

— Ты как со мной разговариваешь? — ее голос, обычно воркующий, сейчас прозвучал визгливо. — Меня тут какая-то ненормальная коктейлем облила, а ты мне приказываешь?

— Эта «ненормальная» — подруга моей жены. Жены, которая только что видела, как ты висишь на моей шее! — прошипел я, оглядываясь на уборщика. — Одевайся. Нам нужно уходить.

Альбина фыркнула, брезгливо отбрасывая пропитанную оранжевым ликером салфетку.

— Так это и была твоя жена? Та самая «домашняя меге-

ра», с которой ты, бедный-несчастный, разводишься уже три года? — она ядовито усмехнулась. — Что-то она не похожа на забитую овечку, Петя. Да она об тебя ноги вытерла! Стоял тут, бляял что-то про первую помощь... Позорище.

Ее слова ударили по самому больному — по моему мужскому эго. Она смела насмехаться надо мной? Над тем, кто содержал ее, купал ей шмотки и оплачивал эту чертову сауну?

Я шагнул к ней вплотную, перехватив ее за локоть. Мои пальцы сжались так сильно, что она тихо охнула.

— Закрой свой рот, Альбина, — мой голос стал тихим и мертвым. — Из-за твоих капризов у меня сейчас рушится дом. Моя жизнь рушится. Так что сиди тихо, не отсвечивай и не смей открывать рот, пока я всё не улажу. Поняла меня?

Я отпустил ее руку и направился в мужскую раздевалку. Если бы я в тот момент обернулся, я бы увидел, как в глазах Альбины вспыхнул злой, расчетливый огонек. Но я не обернулся. Я был слишком уверен, что контролирую эту девку так же легко, как контролировал всё остальное. Я совершил роковую ошибку, решив, что могу вытереть об нее ноги, спасая свой собственный зад.

В раздевалке пахло дорогим деревом и мужским одеколоном. Я подошел к своему шкафчику, приложил силиконовый браслет к замку. Механизм тихо щелкнул. Я стянул мокрое полотенце и начал одеваться.

Моя идеальная сорочка цвета айвори, которую я с таким самолюбованием надевал пару часов назад, теперь казалась мне смирительной рубашкой. Пальцы не слушались, пуговицы не попадали в петли. Я затянул ремень на брюках, сунул ноги в ботинки. Рука по привычке дернулась к внутреннему карману пальто, ища телефон. Пустота обожгла пальцы.

Меня накрыла самая настоящая физическая ломка. Я был отрезан от мира. Я не мог перевести деньги, не мог позвонить Инне, чтобы выяснить, куда они поехали, не мог даже вызвать такси Альбине.

Сядь. Успокойся. Дыши.

Я опустил на кожаный пуф и закрыл глаза, заставляя мозг хирурга включиться в работу. Когда на операционном столе начинается кровотечение, паника убивает пациента. Нужно хладнокровно оценить масштаб повреждений и наложить зажимы.

Итак. Что такое анамнез нашей катастрофы?

Что Таня видела? Она видела бассейн, Альбину на моих коленях, шампанское и виноград.

Что Таня слышала? Только мои дурацкие оправдания про «первую помощь».

Что Таня ЗНАЕТ?

И тут меня немного отпустило. Таня ничего не знает. Она

не знает про то, что мы с Альбиной спим уже три года. Она не знает, что я оплачиваю ее съемную квартиру. И самое главное — она не знает про Варю. Для нее Альбина — просто девка с корпоратива, с которой я позволил себе лишнего по пьяни.

А телефон... На моем телефоне стоит сложный пароль — дата рождения моей покойной матери. Таня его не знает, она никогда не лазила по моим вещам, слишком уважала мое «личное пространство», которое я так старательно оберегал. К тому времени, как она попытается его взломать (если вообще додумается), я уже буду дома.

Ситуацию можно купировать. Это просто глубокий порез, а не ампутация.

Я встал, поправил перед зеркалом воротник сорочки. Лицо всё еще было бледным, но паника в глазах сменилась холодным расчетом.

Через десять минут я уже сидел в своей машине. Альбину я отправил домой на такси, оплатив его наличными у стойки ресепшена и сухо бросив ей: «Я позвоню завтра». Она уехала, поджав губы, но мне было плевать на ее обиды. Моей главной задачей было вернуть Таню в стойло.

Я завел мотор. В салоне повисла непривычная тишина — без телефона блютуз-магнитола молчала. Но эта тишина была мне на руку. Она позволяла мне сконцентрироваться.

Пока я вел машину по ночным, мокрым улицам, мой страх окончательно растворился, уступив место привычной, ток-

сичной самоуверенности манипулятора. Эго, уязвленное на террасе, начало раздуваться с новой силой.

Давайте будем честны. Кто такая Татьяна? Ей тридцать восемь лет. Она маляр. Женщина, которая сутками дышит строительной пылью, чьи руки покрыты мозолями, а гардероб состоит из джинсов и рабочих комбинезонов. Кто на нее посмотрит, кроме меня? Кому она нужна со своими шпателями и ведрами?

А я — Петр. Ведущий специалист. Мужчина в самом расцвете сил. Я дал ей статус, я дал ей нормальную жизнь, в которой она могла чувствовать себя замужем за достойным человеком. Десять лет брака не перечеркиваются одной глупой сценой у бассейна.

Я поймал свой взгляд в зеркале заднего вида и начал репетировать, произнося слова вслух.

— Танюша, послушай меня. Я был идиотом. Мы выпили лишнего на корпоративе, директор предложил поехать в эти чертовы «Термы». Эта девица из регистратуры... она сама на меня вешалась. Ты же знаешь этих молодых хищниц, им только дай повод уцепиться за врача. Я просто не успел ее оттолкнуть, когда ты подошла. Тань, ну какая измена? Ты — моя единственная. Моя овся... моя жизнь.

Звучало убедительно. Я даже сам себе почти поверил.

Она поплачет, конечно. Инна, эта стерва разведенная, наверняка уже накрутила ей мозги в такси. Таня может даже

не пустить меня в спальню сегодня ночью. Пусть. Я лягу в гостиной на диване, изображу раскаяние. Завтра утром, как раз Восьмое марта, я поеду на цветочный рынок. Куплю самую огромную корзину ее любимых желтых тюльпанов. Приготовлю завтрак. Сварю кофе. Упаду на колени, если потребуется.

Женщины любят ушами. А Таня... Таня слишком сильно меня любит. Она ручная. Она привязана ко мне, к нашему сыну, к нашему налаженному, теплему быту. Куда она пойдёт? Что она будет делать одна? Разрушит семью из-за одной съеденной виноградины? Бред.

Машина свернула в наш двор и мягко остановилась у знакомого подъезда. Я заглушил двигатель и посмотрел вверх, на третий этаж. Окно нашей кухни светилось теплым, желтым светом.

Она дома. Ждет. Наверняка сидит сейчас за столом, сжимая мой телефон, и ждет, когда я приду оправдываться.

Я усмехнулся краешком губ. Инцидент будет исчерпан к утру. В конце концов, я всегда выходил сухим из воды.

Я вышел из машины, щелкнул брелоком сигнализации и уверенным шагом направился к двери подъезда. Я был готов сыграть роль невинной жертвы обстоятельств, готов был пустить в ход всё свое обаяние и профессиональный гипноз. Я шел спасать свой удобный, сытый мир, даже не подозревая, что дверь, которую я собирался открыть, уже заперта для меня навсегда. И что завтрашнее утро принесет мне не

прощение, а финальный, сокрушительный удар.

Глава 7

Такси затормозило у подъезда, выплюнув нас с Инной в промозглую мартовскую сырость. Подруга порывалась подняться со мной, рвалась «добить гада» и лично проконтролировать сбор его чемоданов, но я остановила её коротким жестом. Внутри меня всё ещё застывал тот самый ледяной бетон, о котором я думала в бассейне. Он сделал меня тяжелой, неповоротливой, но удивительно спокойной.

— Тань, ты только не вздумай его прощать, — Инна вцепилась в мой рукав, её глаза в свете тусклого фонаря горели яростным блеском. — Пообещай мне. Такие «коты» не исправляются. Они только учатся лучше прятать хвосты.

— Я просто хочу спать, Инна. Иди, — ответила я, высвобождая руку.

Подруга еще что-то кричала вслед, но я уже закрыла тяжелую дверь подъезда. Лифт, пропахший сыростью и старой побелкой, тащился на мой третий этаж бесконечно долго. Я смотрела на зеркальную панель, но не видела своего отражения. Вместо него там была какая-то посторонняя женщина в наспех наброшенном пальто поверх мокрого купальника. Чужая. Опущенная.

В квартире было тихо. Тетя Валя, увидев меня, лишь понимающе кивнула и поспешила к себе, не задавая лишних вопросов — мой вид говорил сам за себя. Я прошла в дет-

скую.

Митя спал, раскинув руки, его дыхание было ровным и безмятежным. На тумбочке всё так же лежал тот самый рисунок — я в желтом платье и огромный рыжий кот. К горлу подкатил комок. Дети чувствуют ложь острее, чем взрослые, но они же и самые искусные строители иллюзий. Митя любил отца. Петр был для него божеством, которое умело лечить раненых птиц и знало названия всех звезд. Как я могла сейчас, в один миг, разрушить это небо над головой своего сына?

Я вышла на кухню, не включая свет. Села на табурет, чувствуя, как влажная ткань купальника холодит кожу под пальто. В руке я сжимала его телефон. Дорогой, тяжелый, он казался мне куском раскаленного угля.

Я знала, что Петр уверен: я не взломаю его защиту. Он всегда считал меня простой, «бытовой». Для него я была той, кто умеет мастерски разводить штукатурку, но пасует перед сложными гаджетами. Он не знал, что пароль — дату рождения его матери — я запомнила еще три года назад, когда он вводил его при мне в аэропорту. Но я не стала открывать экран. Не сейчас. Я не хотела видеть больше того, что уже выжгло мне сетчатку в «Термах».

Ключ в замке повернулся ровно через сорок минут.

Я не шелохнулась. Слух обострился до предела. Я слышала, как он осторожно, стараясь не шуметь, вешает пальто. Как тихо позвякивают ключи на полке. Как он замирает у

двери в детскую, прислушиваясь к дыханию сына. Образцовый отец. Идеальный муж, вернувшийся с «трудного корпоратива».

Когда Петр вошел на кухню, он не сразу заметил меня в темноте. Он подошел к холодильнику, достал бутылку воды, и только когда обернулся, вздрогнул, едва не выронив её.

— Господи, Танюша... Ты почему в темноте? — его голос был тихим, в нем еще звенели остатки той актерской нежности, которой он окутывал меня годами.

Я молча протянула руку и включила настольную лампу. Резкий желтый свет ударил по его лицу, обнажая красные пятна на шее и бегающий, затравленный взгляд.

— Садись, Петя, — сказала я.

Он сел напротив. Он всё еще был в той самой сорочке цвета айвори, только теперь она была помята, а воротничок расстегнут. От него пахло хлоркой бассейна, морозным воздухом и ложью — густой, застарелой ложью, которую я по глупости принимала за аромат стабильности.

— Тань, послушай меня внимательно, — он начал говорить быстро, словно боялся, что я его перебыю. Его пальцы, те самые «чуткие пальцы хирурга», нервно сплелись в замок. — То, что ты видела... это чудовищное недоразумение. Мы выпили. Директор снял эту зону, все были там. Альбине стало нехорошо, душно. Я, как врач, просто помог ей выйти к воде. Она вцепилась в меня, у нее была истерика, я пытался её успокоить. Ты же знаешь, какая сейчас молодежь... эмо-

ционально нестабильная.

Я смотрела на него, и внутри меня что-то горько усмехалось. Как виртуозно он плел это кружево. Ни слова о винограде. Ни слова о том, как его рука по-хозяйски лежала на её бедре. В его версии он был героем, спасавшим немощную коллегу.

— Виноград, Петя, — тихо произнесла я. — Ты кормил её виноградом. Это тоже часть реанимационных мероприятий?

Он на секунду запнулся, его кадык судорожно дернулся. Но он быстро взял себя в руки.

— Это было... глупо, признаю. Попытался поднять ей сахар в крови, она жаловалась на головокружение. Тань, ну ты же мудрая женщина. Ты же понимаешь, что за десять лет у нас было разное, но я никогда... никогда не предавал нашу семью. Мы же одно целое. У нас Митя. У нас планы. Ты хочешь всё это разрушить из-за десяти минут нелепости, которую ты увидела под влиянием своей этой... Инны?

Он перешел в наступление. Это был его излюбленный прием — сделать виноватой меня или обстоятельства. Это Инна меня накрутила. Это я всё «не так поняла». Это мир вокруг несовершенен, а он — лишь жертва своей доброты и врачебного долга.

— Ты хотя бы понимаешь, как это выглядело со стороны? — я подняла на него глаза. В них не было слез, только сухая, выжженная пустыня. — Я стояла там, в своем старом купальнике, и смотрела, как мой муж наслаждается жизнью с

другой женщиной. В месте, куда он «забыл» пригласить меня, потому что я слишком пахну стройкой, верно?

— Танюша, ну что ты такое говоришь! — он попытался накрыть мою руку своей ладонью, но я резко отстранилась. — Я не пригласил тебя, потому что это был рабочий междусобойчик! Тебе было бы скучно слушать наши разговоры про операции и лекарства. А то, что Альбина... она просто девчонка. Глупая, навязчивая. Я завтра же поговорю с Пал Сергеичем, я переведу её в другой филиал, если хочешь. Я сделаю всё, чтобы ты снова мне верила.

Он смотрел на меня с такой искренностью, что на мгновение я почти поддалась. Мозг, привыкший за десять лет к комфорту его любви, судорожно искал зацепки. «Может, и правда? Может, Инна преувеличила? Может, я сама в стрессе из-за работы всё восприняла слишком остро?». Ведь разрушить — это так просто. А завтра... завтра 8 марта.

Завтра у Мити в школе утренник. Он неделю репетировал стих для папы и мамы. Он ждет, что мы придем вместе. Он ждет праздника, запаха блинов, которые я обещала испечь. Если я сейчас скажу «уходи», завтрашнего дня не будет. Будет война. Суды, слезы ребенка, дележка тарелок и воспоминаний.

Я чувствовала, как мой ледяной бетон дает трещину. Не от прощения, нет. От ужаса перед той пропастью, которая разверзлась у моих ног.

— Завтра у Мити выступление в десять утра, — сказала я,

глядя мимо него на кухонное окно. — Ты пойдешь со мной. Мы будем сидеть в первом ряду. Мы будем улыбаться. Мы будем семьей.

Петр облегченно выдохнул. Его плечи заметно расслабились, на губах появилась тень той самой самоуверенной улыбки, которую я видела у бассейна. Он решил, что победил. Что «овсянка» снова проглотила его ложь.

— Конечно, родная. О чем речь! Я же обещал завтрак, помнишь? Я всё исправлю, Танюш. Вот увидишь. Этот случай... он только сплотит нас. Мы перерастем это.

Он встал, подошел ко мне сзади и попытался обнять за плечи. Я не вздрогнула, но всё моё тело одеревенело.

— Иди спать, Петр. В гостиную, — отрезала я.

— Но, Тань...

— В гостиную, — повторила я жестче. — И телефон останется у меня. До утра. Мне нужно время, чтобы... переварить твою «первую помощь».

Он на секунду замер. В его глазах мелькнула тень паники — он вспомнил про свои секреты внутри гаджета. Но спорить побоялся. Понял, что я и так на грани.

— Хорошо. Как скажешь. Главное, что мы поговорили. Спокойной ночи, любимая.

Он ушел. Я слышала, как шуршит диван в гостиной, как он устраивается. А я всё так же сидела на кухне в мокром купальнике под пальто.

Я дала ему шанс. Последний. Не потому, что верила ему

— вера умерла там, на террасе, захлебнувшись в бирюзовой воде. Я дала шанс нашему сыну досмотреть свою сказку еще хотя бы один день. Я дала шанс самой себе собраться с силами.

Я знала, что завтрашнее Восьмое марта будет самым горьким в моей жизни. Но я еще не знала, что это утро принесет не просто похмелье после лжи, а сокрушительный удар, после которого от нашего «идеального брака» не останется даже пыли.

Я открыла кран и начала механически мыть ту самую чашку, из которой он пил кофе перед уходом. Вода обжигала руки, но я не чувствовала боли. Боль придет позже. А сейчас мне нужно было просто дожить до рассвета.

Глава 8(Петр)

(от лица Петра)

Диван в гостиной был старым, узким и совершенно не предназначенным для сна мужчины моего роста. Мои ступни в дорогих носках сиротливо свисали с края, а обивка пахла пылью и чем-то неуловимо детским — кажется, Митя когда-то пролил здесь сок, и пятно, несмотря на все старания Тани, въелось в самую суть мебели.

Я лежал на спине, глядя в потолок, по которому медленно ползли тени от ветвей старого клена во дворе. Уличный фонарь мигал с раздражающей периодичностью, выхватывая из темноты углы комнаты. Но, несмотря на физический дискомфорт, внутри меня пело ликующее чувство превосходства.

Раунд окончен. И я вышел из него победителем.

Да, признаю, в «Термах» я на мгновение потерял контроль. Это был шок, системный сбой. Увидеть Таню в этом пафосном месте было всё равно что встретить пингвина в пустыне. Но мозг хирурга потому и считается элитным инструментом, что умеет адаптироваться к любой патологии.

Я прокрутил в голове нашу сцену на кухне. Моя интонация, вовремя взятая пауза, этот страдальческий взгляд «честного человека, ставшего жертвой обстоятельств» — это было безупречно. Я видел, как она ломалась. Как её правед-

ный гнев разбивался о мои слова про десятилетний брак и Митю. Сын — это мой джокер. Против него у Тани нет приема. Она слишком «правильная», слишком «мать», чтобы позволить себе разрушить его мир из-за одной съеденной виноградины.

Она дала мне шанс. Последний шанс, как она думает. Навивная.

Я повернулся на бок, чувствуя, как пружина дивана упирается мне в ребро. Ничего, Петр Сергеевич, потерпишь одну ночь. Это малая цена за спасение империи.

В сущности, кто такая Татьяна без меня? Десять лет я был её солнцем, её статусом, её гордостью. Она маляр. Женщина, чья вершина карьеры — ровный слой штукатурки и вовремя сданный объект. Без меня, без моего авторитета, без моих рассказов об операциях её жизнь превратится в серые будни на стремянке. Она это знает. Глубоко внутри, на подкорке, она понимает, что такой мужчина, как я, не достается дважды. Она — овсянка. Полезная, привычная, но совершенно пресная. И овсянка не имеет права диктовать условия стейку рибай.

Март — мой месяц. И не только потому, что кровь бурлит, а инстинкты требуют охоты. Я чувствую силу этого времени года кожей. К тому же, через неделю у меня день рождения. Сорок три. Самый сок, золотая середина между дерзостью молодости и весом зрелости.

Татьяна всегда превращала мой день рождения в какой-то

священный ритуал. Она начинала готовиться за месяц, выведывала желания, пекла мой любимый медовик, произносила тосты о том, как ей повезло с «лучшим мужчиной на свете». Она просто не посмеет разрушить этот культ. Женщины её склада не умеют выставлять чемоданы за дверь, когда на календаре маячит такая дата. Ей самой будет невыносимо стыдно перед родственниками и моими коллегами, если праздник сорвется. Она проглотит эту виноградину, запьет её своей «мудростью» и к следующему четвергу будет улыбаться как ни в чем не бывало. Праздник должен состояться, а значит — я в безопасности. Мой день рождения — это мой охранный ордер.

Мои мысли невольно переметнулись к телефону, оставшемуся на кухне.

Легкий холодок пробежал по спине. Там, под защитным стеклом, хранилась вся моя «теневая» жизнь. Альбина, её бесконечные селфи в белье, сообщения с требованиями денег, фотографии Вари... Если Таня откроет галерею, если она увидит эти снимки, где я держу на руках маленькую девочку с моими глазами...

Я замер, прислушиваясь. На кухне было тихо. Слышно было только мерное тиканье настенных часов.

Нет. Не откроет.

Я слишком хорошо изучил Таню за эти годы. Она — человек принципов, граничащих с занудством. «Личное пространство», «доверие», «порядочность» — для неё это не пу-

стые слова. Она будет сидеть над этим телефоном всю ночь, смотреть на него, как на ядовитую змею, но не посмеет тронуть. К тому же, она технологически беспомощна. Для неё взломать мой сложный графический ключ — это как провести полостную операцию вилкой. Она не додумается, не захочет пачкаться. Ей проще поверить в мою сказку про «плохое самочувствие коллеги», чем заглянуть в бездну.

Танюша выберет покой. Всегда выбирала.

Альбина... Я вспомнил её лицо на террасе. Искажённое злобой, облитое липким ликером. Какое разочарование. В ту минуту она показалась мне такой вульгарной, такой мелкой. Куда делся тот манящий десерт? Осталась только визгливая девчонка, которая подставила меня под удар из-за своего желания пойти в «Термы».

Ничего, с ней я разберусь позже. Куплю ей ту сумку, о которой она ныла последнюю неделю, и она снова станет шелковой. Или пригрожу, что перестану оплачивать квартиру. Альбина любит деньги больше, чем меня, и это делает её управление элементарным. Инструмент, который просто нужно вовремя смазывать.

Завтра Восьмое марта. Мой день триумфального возвращения на пьедестал.

Я уже выстроил стратегию. Встану в шесть утра, пока они спят. Поеду на цветочный рынок. Мне нужен не букет, мне нужна цветочная инсталляция. Корзина желтых тюльпанов — штук пятьдесят, не меньше. Чтобы аромат стоял такой,

что перебивал бы запах вчерашней ссоры. Желтый — цвет солнца, а не разлуки, я ей так и скажу. Скажу, что это символ нашей новой, «светлой» главы.

Затем — завтрак. Я заскочу в пекарню за круассанами. Сварю кофе, вынесу всё это на подносе. Буду подчеркнуто молчалив и заботлив. Пусть она видит, ЧТО она может потерять. Пусть чувствует мою вину, переплавленную в заботу.

А потом утренник Мити. Я надену свой лучший костюм. Буду сидеть в первом ряду, сиять своей безупречной улыбкой, кивать другим родителям. Я буду воплощением «идеального отца». Таня посмотрит на меня, посмотрит на сына и поймет — ради этого стоит закрыть глаза на любую виноградину в мире. Особенно сейчас, когда через неделю у нас «большое торжество» по случаю моего рождения.

Женщины устроены просто. Им нужно дать картинку, в которую они хотят верить. Им нужны оправдания, которые они смогут пересказать подругам, чтобы не выглядеть дурами. Я дам ей эти оправдания. Я — великий анестезиолог чувств. Я введу ей такую дозу иллюзий, что она сама забудет, что видела в «Термах».

Инна... Эта сука разведенная. Вот кто реальная проблема. Она как вирус в здоровом организме. Её нужно вырезать из жизни Татьяны, медленно и аккуратно. Завтра я мягко намекну жене, что именно Инна подстроила эту встречу, что она завидует нашему счастью и хочет затянуть Таню в своё болото одиночества. Таня поверит. Она всегда верила, что я

мудрее.

Я почувствовал, как веки тяжелеют. Напряжение дня ухodziло, оставляя после себя приятную пустоту.

Коты всегда приземляются на четыре лапы. Это закон природы.

Я — Петр Сергеевич, я контролирую ситуацию. Моя семья — это моя территория, мой прайд. И я не позволю какой-то случайности разрушить мой уютный, отлаженный мир. Завтра я начну операцию по возвращению контроля. И мой грядущий день рождения станет той самой вишенкой на торте, которую Таня не решится раздавить.

Я закрыл глаза, представляя, как завтра утром лучи солнца коснутся желтых лепестков тюльпанов на нашем кухонном столе. Это будет красивая картина. И Таня, моя верная, домашняя Таня, снова станет частью этой картины.

Я заснул с легкой улыбкой на губах, абсолютно уверенный в том, что завтрашний праздник станет днем моего полного и окончательного прощения. В конце концов, март — это мой месяц. По всем статьям.

И тишина квартиры, которую я принимал за согласие, была лишь затишьем перед настоящим штормом, о силе которого мой раздутый эгоизм не мог даже помыслить. Но в ту ночь я спал сном праведника. Глупым, самоуверенным сном человека, который сам вырыл себе яму и решил, что это — бассейн с подогревом.

Глава 9

Серое мартовское небо за окном напоминало плохо загрунтованный холст — рыхлое, с грязными подтеками облаков, сквозь которые никак не могло пробиться солнце. Я открыла глаза задолго до звонка будильника. В спальне было прохладно, но воздух казался тяжелым, застоявшимся.

Вчерашняя царапина на ладони ныла под пластырем. Я осторожно коснулась её кончиками пальцев: кожа вокруг воспалилась, стянулась сухой коркой. Это была крошечная рана, пустяк по сравнению с тем, что творилось у меня под ребрами. Там, где раньше билось живое, доверчивое сердце, теперь застыл монолит. Холодный, неповоротливый бетон.

Я поднялась, стараясь не шуметь. Натянула старый махровый халат, который Петя когда-то называл «уютным», а теперь, вероятно, считал частью моего образа «пресной овсянки». Проходя мимо гостиной, я на мгновение замерла.

Проходя мимо гостиной, я невольно задержала взгляд на диване. Он был пуст. Плед, которым Петр укрывался ночью, лежал скомканным серым комом на полу, напоминая сброшенную чешую какой-то крупной, скользкой рыбы. Подушка еще хранила вмятину от его головы, и в холодном утреннем полумраке это казалось насмешкой над нашим домом. Мой "мартовский кот" исчез с первым лучом света — наверняка отправился заметать следы вчерашнего позора свежими ве-

никами мимозы или чем-то более внушительным. Если бы я не видела вчера его лицо в "Термах" — это хищное, торжествующее лицо хозяина жизни, — я бы, возможно, даже почувствовала укол беспокойства. Но сейчас я чувствовала только тяжелую, свинцовую усталость. Тишина в квартире не была мирной, она звенела, как натянутая струна, готовясь лопнуть от первого же поворота ключа в замке».

На кухне пахло вчерашним кофе. Я достала муку, молоко, яйца. Мои движения были механическими, отточенными годами бытового рабства. Взбить, просеять, раскалить сковороду. Шипение масла на огне немного заглушало мысли. Сегодня — восьмое марта. День, когда миллионы женщин будут делать вид, что они счастливы, принимая мимозы от мужчин, которые забывают об их существовании в остальные триста шестьдесят четыре дня.

Щелкнул замок входной двери. Я замерла с половником в руке.

Петр вошел в квартиру с шумом, нарочито бодро. В его руках была огромная, вызывающе пышная корзина желтых тюльпанов. Их было так много, что за лепестками почти не было видно его лица.

— Танюша! С праздником, родная! — его голос прозвучал слишком громко для этого раннего часа. — Смотри, какой привоз на рынке. Самые свежие, еле отхватил!

Он поставил корзину прямо на обеденный стол, потеснив тарелку с готовыми блинами. Запах цветов тут же заполнил

кухню. Это не был нежный аромат весны. Тюльпаны пахли резко, душно, с каким-то сладковато-приторным привкусом увядания. Для меня это был запах вчерашней виноградины, густо замаскированный цветочной пылью.

— Спасибо, Петя. Очень красивые, — ответила я, не оборачиваясь.

— Только красивые? Тань, я в шесть утра за ними подорвался. Хотел, чтобы ты проснулась в сказке, — он подошел ближе, я почувствовала его дыхание у своего уха. — Ну, иди ко мне. Давай начнем этот день правильно.

Он попытался обнять меня за талию, но я ловко увернулась, потянувшись за лопаткой, чтобы перевернуть блин.

— Сын проснется — начнем, — отрезала я. — Иди умойся, от тебя всё еще несет хлоркой.

Я видела боковым зрением, как он на мгновение скривился, но тут же нацепил на лицо маску покаянного благородства.

— Да, ты права. Я... я сейчас. Всё исправлю, Танечка. Ты же знаешь, я умею признавать ошибки.

«Ошибки», — подумала я, глядя, как на сковороде лопаются пузырьки теста. — «Ты называешь это ошибкой. Как будто ты просто пересолит суп, а не выпотрошил мне душу».

— Мама! Папа! — в кухню влетел Митя.

Сын был в пижаме с супергероями, волосы взъерошены. Его глаза загорелись, когда он увидел гору цветов. Для него

это было доказательством того, что мир в порядке. Мама печет блины, папа принес цветы — значит, всё хорошо. Дети — самые благодарные зрители в театре фальшивых семей.

— Мам, это тебе! — Митя протянул мне свой рисунок. — Тетя Валя помогла мне вчера в рамку вставить.

Я взяла листок. Тот самый рыжий кот и женщина в желтом платье. «Самой лучшей маме в мире», — было написано неровными буквами внизу.

— Спасибо, радость моя, — я прижала сына к себе, пряча лицо в его макушке.

В этот момент я встретила взглядом с Петром. Он стоял, прислонившись к дверному косяку, и в его глазах читалось торжество. Он словно говорил мне: «Ну и что ты сделаешь? Скажешь ему правду? Разрушишь его праздник? Ты же не сможешь. Ты предашь его, если выставишь меня сейчас».

Я чувствовала себя соучастницей преступления. Я предавала себя, свою гордость, свою боль — и всё ради того, чтобы у семилетнего мальчика не дрогнули губы.

Завтрак превратился в изощренную пытку. Петр «включил» режим идеального отца. Он подкладывал Мите блины, шутил, рассказывал истории из клиники, которые я слышала уже сотню раз. Он вел себя так, будто вчерашнего вечера в «Термах» просто не существовало. Словно не было Альбины, не было Инны, не было разбитых бокалов.

— Танюш, ты чего не ешь? Блины — объедение! — он

протянул руку и накрыл мою ладонь своей. — Совсем ты у меня заработалась. Ничего, сегодня мы с Митькой главные по дому. Ты у нас сегодня — королева.

Я посмотрела на его пальцы. Чистые, холеные, с безупречными ногтями. Этими пальцами он вчера сжимал чужое бедро. Вкус кофе во рту стал напоминать вкус мела. Или сухой штукатурки. Я медленно убрала руку со стола.

— Мне нужно собраться на утренник, — сказала я, вставая. — Посуду убери сам. Ты же главный сегодня.

В ванной я первым делом заперла дверь. Включила горячую воду, дождалась, пока зеркало запотеет, скрывая моё отражение. Я разделась и шагнула под душ.

Вода обжигала плечи, но мне этого было мало. Я взяла жесткую мочалку и начала тереть кожу. Сначала руки — до локтей, туда, где вчера осела строительная пыль. Затем шею, плечи, грудь. Я терла до тех пор, пока кожа не стала пунцовой, пока не начало саднить.

Я пыталась смыть с себя этот завтрак. Запах его тюльпанов, которые, казалось, пропитали даже полотенца. Взгляд Петра, в котором не было раскаяния, а было лишь самодовольство удачливого лжеца.

«Грязь не снаружи, Таня», — прошептала я самой себе, прислонившись лбом к холодному кафелю. — «Она под кожей. Она в каждом блине, который ты сейчас проглотила. Она в каждом "спасибо", которое ты ему сказала».

Я чувствовала себя грязной из-за того, что позволила ему

остаться. Из-за того, что согласилась на этот спектакль. Я была как старая стена, которую пытаются закрасить яркой краской, зная, что внутри всё давно прогнило и пошло грибом. Рано или поздно краска вздуется и отвалится пластами.

Я вышла из душа, завернулась в полотенце и вытерла запотевшее зеркало. На меня смотрела женщина с застывшим лицом. Моя «венецианка» — маска, которую я сама на себя наложила.

— Еще два часа, — сказала я своему отражению. — Отыгралась утренняя, улыбнешься учителям, и всё. Больше никакой лжи.

Когда я вышла, Петр уже был при полном параде. Темно-синий костюм, белоснежная сорочка — он выглядел как принц из сказки, которую так любил рассказывать окружающим.

— Танюш, ты просто сияешь! — он подал мне пальто, его рука на мгновение задержалась на моем плече. — Вот видишь, отдых пошел тебе на пользу. Мы — отличная команда, правда?

Я не ответила. Просто шагнула к выходу, чувствуя, как его ладонь обжигает ткань моего пальто. Он был так уверен в своей победе. Он думал, что корзина тюльпанов и обещание завтрака купили ему право и дальше жить в моем доме, в моей постели, в моей голове.

Мы вышли на улицу. Мартовский ветер рванул полы пальто, обдавая холодом. В воздухе пахло талым снегом и вес-

ной, но для меня этот запах был пропитан предчувствием катастрофы.

Митя бежал впереди, размахивая мешком со сменкой. Петр шел рядом со мной, иногда пытаясь взять меня под руку. Город праздновал. Мужчины несли букеты, женщины улыбались. А я шла и считала минуты до того момента, когда смогу наконец смыть эту улыбку со своего лица.

Я еще не знала, что утренник в школе — это последняя мирная сцена в моей жизни. Что за порогом нашей квартиры уже стоит та, кто принесла с собой правду, от которой не спасет ни одна корзина тюльпанов. Что мой «март» только начинается, и он будет кровавым.

Мы подошли к дверям школы. Петр галантно распахнул передо мной дверь, пропуская вперед.

— После утренника зайдем в кафе? — предложил он, заглядывая мне в глаза. — Отпразднуем по-человечески?

Я посмотрела на него — в эти карие, такие родные и такие чужие глаза.

— Посмотрим, Петя. Посмотрим, что принесет этот день. Я шагнула в душный, пахнувший мелом и детским гомоном коридор школы, навстречу своей последней иллюзии. Концерт начинался. И мой личный спектакль подходил к финалу.

Глава 10

Школьный коридор, пропахший сменной обувью и дешевым освежителем воздуха, остался позади. Мы шли домой по зазубренному мартовскому льду, и я чувствовала себя так, словно только что отыграла главную роль в любительском спектакле без права на антракт. Митя бежал впереди, гордо прижимая к куртке бумажный цветок — подарок, сделанный его маленькими пальцами специально для меня.

Петр шел рядом. Он то и дело касался моего локтя, придерживая на скользких участках, и в каждом его движении сквозило такое преувеличенное рыцарство, что меня начинало подташнивать. Он улыбался прохожим, здоровался с соседями, и я видела, как он упивается собственной ролью. «Посмотрите на меня, — кричала каждая складка его идеально сидящего пальто. — Я — безупречный отец. Я — опора семьи».

— Танюш, ты какая-то бледная, — заботливо проворковал он, когда мы зашли в подъезд. — Наверное, в зале было слишком душно. Ничего, сейчас придем, я заварил тебе тот особенный чай с бергамотом. Отдохнешь. Сегодня никаких дел, я всё взял на себя.

Я молчала. В кармане моего пальто тяжелым слитком лежал его телефон. Я не вернула его. И Петр, трусливо боясь разрушить хрупкое перемирие перед сыном, не решился его

потребовать. Эта маленькая победа не радовала меня. Она лишь подчеркивала глубину той пропасти, в которую мы оба летели.

В квартире нас встретил удушливый, плотный аромат желтых тюльпанов. За время нашего отсутствия корзина, стоявшая на кухонном столе, словно захватила всё пространство. Запах был настолько агрессивным, что у меня мгновенно запульсировало в висках. Это был запах фальши. Пятьдесят желтых бутонов — пятьдесят попыток замазать гниль свежей краской.

— Пап, а можно я уже включу мультики? — Митя сорвал шапку и бросил её на тумбочку.

— Конечно, чемпион! Сегодня праздник, можно всё, — Петр по-хозяйски приобнял сына за плечи. — А я пока проверю наш заказ. Заказал из «Прованса», Танюш. Утка с яблоками, твои любимые салаты. Должны доставить с минуты на минуту.

Он буквально порхал по прихожей. Снимал моё пальто, аккуратно вешал его на плечики, расправлял складки. Он создавал вокруг меня кокон из мнимой заботы, в котором мне становилось нечем дышать. Я прошла на кухню, накинула поверх платья халат и замерла у окна, глядя на серый двор.

Петр зашел следом, подошел со спины. Я почувствовала его руки на своих плечах — мягкие, уверенные пальцы хирурга. Он слегка сжал их, склонился к моему уху.

— Тань... давай оставим всё вчерашнее там, за порогом. Посмотри, как Митя счастлив. Мы ведь заслужили этот покой, правда? Через неделю мой день рождения, приедут родители... Давай не будем омрачать весну глупыми подозрениями. Я ведь люблю тебя. Только тебя.

Я закрыла глаза. Его голос обволакивал, убаюкивал, обещал, что можно снова стать маленькой и защищенной, если просто... просто поверить в ложь. На мгновение мне захотелось обернуться, прижаться к его груди и зарыдать, выплескивая всю ту ледяную муть, что скопилась внутри. Захотелось, чтобы он снова стал моим Петей, а не тем чудовищем с виноградиной в руках.

Резкий, требовательный звонок в дверь разрезал тишину квартиры, как скальпель — живую ткань.

Петр вздрогнул. Его руки соскользнули с моих плеч.

— О, а вот и наш ужин! — воскликнул он, и в его голосе я уловила нотку облегчения. — Легки на помине. Сиди, родная, я сам приму!

Он почти выбежал в прихожую. Я слышала его бодрые шаги, слышала, как он на ходу достает бумажник, готовый осыпать курьера щедрыми чаевыми за праздничную доставку.

Я вышла следом. Не знаю, что меня толкнуло — интуиция или просто нежелание оставаться в душном плену тюльпанов. Я остановилась в проеме кухонной двери, глядя на

спину мужа.

Петр распахнул дверь с широкой, «клиентской» улыбкой на лице.

— Ну, наконец-то! Мы уже заждались...

Фраза оборвалась на полуслове. Его рука с зажатой в ней купюрой застыла в воздухе. Я видела, как его затылок и плечи внезапно одеревенели. Словно он внезапно превратился в соляной столп.

— Добрый день, Петя, — раздался с лестничной клетки женский голос. Холодный, уверенный, до боли знакомый.

Улыбка Петра не просто исчезла — она сползла с его лица, оставив после себя серую, безжизненную маску. Его рука медленно опустилась.

На пороге стояла Альбина.

Она подготовилась. Это не была та растрепанная девушка из бассейна. Перед нами стояла ухоженная, хищная женщина, знающая себе цену. На ней было элегантное бежевое пальто из мягкой шерсти — я узнала его. Месяц назад Петр заставил меня зайти в дорогой бутик, якобы «просто посмотреть», и долго сокрушался, что на меня «такие фасоны не садятся из-за осанки». Теперь я видела, на ком они сидели идеально.

Кроваво-красная помада на губах, безупречно уложенные локоны, тяжелый аромат дорогих духов, который мгновенно вступил в схватку с запахом моих тюльпанов. Альбина смот-

рела на Петра с плохо скрываемым торжеством. Она знала, что наносит удар под дых.

— Что ты здесь делаешь? — прохрипел Петр. Его голос был едва слышен. — Мы же договорились...

— Ты заблокировал мой номер, Петя, — Альбина изящно поправила сумочку на плече. — А я не люблю, когда меня игнорируют. Особенно сегодня. Праздник всё-таки. Решила, что нам пора перестать играть в прятки.

Она перевела взгляд на меня, стоявшую в глубине коридора. В её глазах не было ни капли стыда — только ледяное, расчетливое любопытство.

— Здравствуй, Таня, — произнесла она, и я почувствовала, как бетон внутри меня начинает крошиться, пропуская ледяной холод. — Извини, что без приглашения. Но у нас с Петей есть незаконченное дело.

Альбина сделала шаг в сторону, освобождая проход. И только тогда я увидела то, что она до этого скрывала своей фигурой.

За руку она держала маленькую девочку.

Ребенку было года три. На ней была нарядная розовая курточка и белые колготки. Девочка испуганно жалась к ногам матери, кусая губу, и смотрела на нас снизу вверх.

У меня потемнело в глазах. Я вцепилась в дверной косяк так сильно, что костяшки пальцев побелели.

Девочка подняла лицо. На меня смотрели глаза Петра.

Это не было случайным сходством. Это был приговор. Тот же уникальный янтарный оттенок радужки, те же густые ресницы, та же характерная складка над верхним веком и упрямый разлет бровей. Это было маленькое зеркало, в котором отражалась вся чудовищная ложь последних лет моей жизни.

— Варюша, не бойся, — Альбина подтолкнула девочку вперед, прямо в прихожую нашей квартиры. — Посмотри, это твой папа. Тот самый, который «всегда на работе».

Митя вышел из гостиной, привлеченный голосами. Он остановился рядом со мной, переводя непонимающий взгляд с Альбины на маленькую девочку.

— Мам? А это кто? К нам гости?

Тишина, воцарившаяся в прихожей, стала осязаемой. Она давила на барабанные перепонки, мешала дышать. Я смотрела на Петра. Он стоял, опустив голову, и я видела, как дрожат его руки. Нарцисс, хозяин жизни, великий хирург — сейчас он выглядел как побитый, облезлый пес, которого поймали за кражей со стола.

Альбина улыбнулась — на этот раз открыто и страшно. Она наслаждалась моментом.

— Здравствуй, Митя, — мягко сказала она, и от этого тона у меня по спине пробежал мороз. — Я Альбина. А это Варя. Твоя сестра.

Она снова посмотрела на меня, и в её взгляде я прочитала

финальный приговор.

— Ну что, Таня? Будем и дальше делать вид, что у нас всё хорошо? Или всё-таки пригласишь нас войти? Нам ведь есть о чем поговорить. Например, о том, почему твой муж живет на две семьи уже три года.

Я чувствовала, как телефон Петра, который я незаметно переложила в карман халата, стал невыносимо тяжелым, словно он весил тонну. Вся моя «мудрость», все мои «последние шансы», вся моя вера в семью рассыпались в пыль под ногами этой маленькой девочки с янтарными глазами.

Истина не просто вышла наружу. Она вошла в мой дом, одетая в бежевое пальто, и принесла с собой живое доказательство того, что последние десять лет моей жизни были лишь качественной штукатуркой на гнилом, разваливающемся фундаменте.

Я посмотрела на корзину желтых тюльпанов на кухне. Желтый — цвет измены. Как же точно он выбрал букет.

— Входи, Альбина, — мой голос прозвучал так, словно принадлежал мертвецу. — Входи. Кажется, наш праздник только начинается.

Глава 11

Альбина не ждала приглашения. Она перешагнула порог так уверенно, словно это она десять лет выбирала сюда обои и оттирала пятна с паркета, а не я. Она просто отодвинула оцепеневшего Петра плечом — легко, как надоевшую занавеску — и вошла в прихожую. Маленькая девочка, чьи пальцы Альбина сжимала мертвой хваткой, семенила следом.

Стук каблуков Альбин

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.